

Солнечные лучи пробивались сквозь окно, заливая светом деревянный пол. Солнце уже поднялось высоко. Двое на кровати все еще спали, крепко обнявшись.

В девять часов включились камеры в гостиной на первом этаже. Ли Хаолинь, умывшись, вошел в комнату, сладко зевая. Вэнь Сыбо, который давно встал и успел привести себя в порядок, сидел на подушке, ожидая, пока закипит чайник.

Сюй Икэ вышел из спальни с растрепанными волосами:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — улыбнувшись, ответил Вэнь Сыбо.

После вчерашнего дня между участниками уже начало возникать какое-то взаимопонимание. Ли Хаолинь скинул тапочки, в одних носках ступил на мягкий ковер, притянул к себе подушку и опустился на нее.

— Доброе утро! Ты так рано встал, брат Сяо Вэнь. Наверное, ты был первым? — спросил самый младший из них, Ли Хаолинь.

— Похоже на то, — Вэнь Сыбо наклонился и тихо прошептал ему на ухо: — Кстати, режиссер только что сказал, что камеры уже включили, будь осторожнее.

Ли Хаолинь рассмеялся и указал на микрофон у своего воротника:

— Брат, ты, кажется, забыл, что микрофон не выключен, так что в прямой трансляции все слышно.

Вэнь Сыбо удивленно посмотрел на него:

— А, правда? Совсем вылетело из головы.

На самом деле он не столько забыл, сколько просто не привык к такому вниманию: Вэнь Сыбо был не слишком популярен, участвовал лишь в паре шоу, да и на Прямо сейчас попал только благодаря протекции одного влиятельного человека.

— О боже, я только что поняла, Вэнь Сыбо такой милый и немного неуклюжий красавчик!

— Это шоу в каком-то смысле просто праздник для глаз, одни красавцы и красавицы!

Вэнь Сыбо вернулся на свое место, поправил выбившуюся прядь волос, заправив ее за ухо, и решил сменить тему:

— Я вскипятил воду, давайте на завтрак съедим лотосовый крахмал, чтобы хоть немного перекусить. И еще есть печенье от наших спонсоров.

Ли Хаолинь, будучи лицом этого бренда печенья, тут же подхватил тему и умело прорекламирал продукт. Вэнь Сыбо благодарно подмигнул ему, улыбнулся и поднялся, чтобы заварить крахмал.

— О, кстати, брат Ши Юй и брат Лу еще не встали? — спросил Ли Хаолинь.

— Думаю, нет. В девять часов я поднимался наверх за вещами и хотел постучать, но потом подумал, что они вчера сильно устали, и не стал, — ответил Вэнь Сыбо.

Ли Хаолинь, похрустывая спонсорским печеньем, взглянул на часы:

— Уже почти десять. Думаю, скоро режиссер не выдержит и пойдет стучать, — сказал он, опираясь на свой опыт участия в подобных проектах.

— Режиссер, приказываю тебе, иди стучи в дверь! Или хотя бы тихонько включи камеру в их комнате!

— Да, включи, мы тебе подарков накидаем, умоляем!

Но после вчерашнего предупреждения Чэнь Си включить камеры было невозможно. Съёмочная группа не хотела получать судебные иски, а еще меньше — переходить дорогу компании, стоящей за Лу Хуайчэнем.

Ли Хаолинь, как и ожидалось от ребенка-актера с большим опытом, оказался прав: вскоре съёмочная группа постучала в двери. Правда, первыми потревожили не Ши Юя и Лу Хуайчэня, а Сунь Сихана.

Тот стоял на пороге в эфирной ночной сорочке, с заспанным видом и мутным взглядом. Изящный макияж на его лице, однако, выдавал, что он уже давно готов к съемкам.

— Уже утро? Доброе утро, режиссер! — пропел он сладким, кокетливым голосом.

Режиссер сухо кивнул:

— Доброе утро. Переодевайся и спускайся вниз, — после чего, не оборачиваясь, направился к комнате Ши Юя и Лу Хуайчэня.

— Хорошо! — ответил Сунь Сихан и закрыл дверь.

В углу, где его не видела камера, он в ярости топнул ногой. Он ведь два часа вставал раньше всех, чтобы нанести этот безупречный макияж и переодеться в эту нежную, сказочную пижаму, надеясь изменить мнение зрителей о себе. Он хотел взять реванш — ведь вчера вечером агент звонил ему и требовал умерить свой принцессин нрав и активнее вливаться в коллектив. Но режиссер даже не оглянулся, а камера задержалась на нем всего на пару секунд. Это вызвало у него лишь раздражение и гнев: он так рассчитывал, что этот образ

станет темой для обсуждения, а если бы попал в позитивные тренды — было бы совсем замечательно. Но все это оказалось лишь несбыточной мечтой.

В другой комнате Лу Хуайчэнь на самом деле давно проснулся. Но, открыв глаза и опустив взгляд, он увидел Ши Юя, который сладко спал у него в объятиях. Его щека прижималась к груди Лу Хуайчэня, на лице не было привычного выражения неприязни, напротив — уголки губ слегка приподнялись, а щека, прижатая к его телу, забавно округлилась. Ши Юй выглядел невероятно мило! Впрочем, в глазах Лу Хуайчэня он всегда был самым милым — самым милым во всем мире!

Лу Хуайчэнь не хотел вставать, особенно учитывая нынешнее положение. Рука Ши Юя лежала у него на талии, а округлые пальцы ног переплелись с его ногами. Ши Юй покоился на его руке, а сам Лу Хуайчэнь крепко обнимал его, удерживая ладонь на тонкой талии. Он чувствовал непреодолимое желание не выпускать его из этого маленького мирка.

Из-за того, что Ши Юй слегка ворочался, трение ткани привело к тому, что верхняя пуговица его пижамы расстегнулась, обнажив белоснежную грудь и сексуальные ключицы. Это выглядело настолько соблазнительно, что хотелось оставить след на этой безупречной коже.

Лу Хуайчэнь взглянул лишь раз и тут же отвел глаза. Адреналин подскочил, он потянулся свободной рукой к одеялу, чтобы прикрыть Ши Юя, но замер. Он не удержался и посмотрел еще раз. Его тело, которое и так было готово к пробуждению, теперь окончательно вышло из-под контроля.

Ши Юй недовольно пробормотал что-то во сне, пытаясь отстраниться от источника беспокойства, но разве мог он куда-то деться, если Лу Хуайчэнь не двигался? Ши Юй, раздраженный этим, нахмурился — он явно просыпался.

Лу Хуайчэнь наконец пришел в себя и поспешно отодвинулся, чтобы убрать причину своего возбуждения подальше. Он с досадой закрыл глаза, натянул одеяло на Ши Юя, полностью укрыв его. Ему следовало бы встать и привести себя в порядок, но он не хотел отпускать его. Пришлось закрыть глаза и в отчаянии читать про себя мантру спокойствия.

На висках выступил пот, но он не желал уходить, пытаясь силой воли подавить реакцию организма. Он не заметил, как на губах Ши Юя на мгновение мелькнула хитрая улыбка.

Лу Хуайчэнь, конечно, не знал об этом. Он лишь чувствовал, что вот-вот взорвется. Когда напряжение начало немного спадать, вдруг раздался стук в дверь, а затем голос режиссера:

— Учитель Лу, учитель Ши, вставайте!

Раздражающий звук разбудил Ши Юя. Он недовольно нахмурился, натянул одеяло повыше, закрывая уши, пытаясь спрятаться от шума за дверью. Тишина. Режиссер снова постучал:

— Учитель Ши, учитель Лу, просыпайтесь!

Лу Хуайчэнь тут же обеими руками прикрыл уши Ши Юя, молясь, чтобы тот не проснулся окончательно. Затем за дверью послышался звук ключей, которыми возился режиссер. Дыхание Лу Хуайчэня стало еще более прерывистым. Он боялся, что сейчас они ворвутся с камерами и выставят Ши Юя в таком виде на всеобщее обозрение.

Нет, только не это!

Но он сам не мог встать, чтобы открыть дверь, поэтому хриплым, низким голосом отозвался:

— Режиссер Чжун, мы проснулись, скоро спустимся!

<http://bllate.org/book/19976/1968217>